

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

Краткие сообщения и автоаннотации

**У1 годичная научная сессия ЛО ИВ АН,
посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Ленина
апрель 1970 года**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

Главная редакция, восточной литературы

Москва 1970

**В.И.ЛЕНИН О КУЛЬТУРЕ В АНТАГОНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ДОМОНГОЛЬСКОГО ИРАНА.**

Ленинское положение о двух идеологиях и двух национальных культурах в антагонистическом обществе находит удивительную по своей наглядности иллюстрацию при анализе творчества так называемых придворных персоналичных поэтов. Параллельно с парадной панегирической поэзией, вычурной и тенденциозной, в литературных придворных кругах, в творчестве тех же панегиристов, живут и развиваются неофициальные литературные жанры с извечными, вполне реалистичными, человеческими темами - любовь, сетования на судьбу, на жизненные тяготы. В творчестве многих придворных одиошцев, особенно наиболее искусных среди них (напр. Анвари, Камал Исмаил Исфাহани), мы непременно находим антитезу безудержному панегиризму - злое осмеяние и обличение власть имущих, жестокое проклятие существующих порядков.

Сама традиционная структура дивана по четырем разделам как бы канонизирует такое жанровое деление средневековой поэзии. Первый раздел дивана составляют касиды - официальное, служебное творчество поэта по заказу патрона и ему в угоду, творчество, как правило, исключавшее все личное. К этому разделу отчасти примыкает и второй раздел дивана - газели - любовно-лирические стихи для более интимных придворных собраний и для чтения в своем кругу. Заключают диван, как правило, наиболее свободные от литературных канонов жанровые формы - секривно-лирические кита (отрывки) и философские, иронические рубай (четверостишия) - то непроданное творчество поэта для себя, в котором мы слышим его живой и страдающий голос. Неофициальные литературные жанры, вызванные к жизни потребностью самовыражения поэта, четко отличаются от придворных од и своим набором художественно-выразительных средств - реалистическим отражением жизни, безыскусностью внешней формы.

Элементы простонародной литературы мы можем найти также в произведениях ранних суфийских авторов (Абу Саид, Ансари), которые охотно прибегали в проповедях к фольклорным четверостишиям,

народными притчами, баснями, легендам и анекдотам в поисках средств эмоциональной выразительности и широкой популяризации своих идей.

Всемерный учет и изучение неофициальных поэтических жанров кыта и рубаи, народных по происхождению рассказов-вставок в произведениях ранних суфиев, представляется весьма перспективным для восстановления той литературы, которая развивалась параллельно блестящей и изысканной придворной поэзии и была в обращении широких слоев населения.

Вместе с тем, научно не оправдан и отказ от изучения придворной одической поэзии, которая была монументальным творением, хотя и подневольным, того же национального поэтического гения. Пренебрежительное перечеркивание ее таит в себе опасность упрощенного толкования сложных явлений духовной жизни, против чего строго предостерегает ленинское эстетическое учение. Изощренная риторика, антиреализм, лежащий в самой основе придворного панегирика, у крупнейших поэтов как бы компенсируя внутреннюю скудость содержания, восполняется виртуозной техникой стиха, удивительной емкостью строки, совершенным владением полисемантическим богатством персидского слова и, прежде всего, высшим мастерством в создании выразительного, наглядно-живописного художественного образа. Панегирическая поэзия безусловно сыграла огромную роль в формировании национального литературного вкуса и национальных особенностей художественного восприятия. В частности, персидского читателя, как можно заметить, подчас в меньшей степени занимает сюжет произведения и его композиционная структура; основное внимание сосредоточивается на искусстве отдельной строки, отдельного стиха - его музыкальности, чеканности и более всего заключенного в строке образа. Отсюда проистекает широкая практика варьирования в персидской литературе одного и того же сюжета (сказаний о Хосрове и Ширин, Исуфе и Зухейхе и др.). Заимствование сюжетной линии и характеров не считается плагиатом, напротив, поощряется, как вступление в нелегкое соревнование в искусстве сказать о том же самом более сильными и свежими образами. Самостоятельная художественная жизнь каждого отдельно взятого бейта в стихотворении, афористичного, выраженного запоминающимся образом, восприятие бейта как законченного поэтического произведения - в этом заключено

основное, воспитанное традицией, своеобразие эстетических критериев персидской средневековой поэзии. Литературоведы, по-видимому, недостаточно еще учитывают это художественное своеобразие чужой поэзии, исходя в своих суждениях преимущественно из европейских эстетических представлений. Анализ и оценка явлений литературы и искусства с ленинских позиций народности, широкой доступности, реализма предполагает вместе с тем и всемерный учет своеобразия национальных эстетических представлений. Всякое изучение культуры и искусства должно иметь своей основой знание этнопсихологии изучаемого народа. Между тем этой важной проблеме уделяется до сих пор непростоительно мало внимания.

Ленинская теория отражения дала философское обоснование реалистической, познавательной роли литературы, гносеологической функции художественного образа. Вместе с тем ленинская теория отражения отрицает вульгарную прямолинейность в процессе пере-воссоздания действительности в художественном произведении, напоминая, что всегда исторически условна мера правдивости, глубины, равносторонности художественного перевоссоздания жизни. Этот принцип ленинской эстетики является одним из важнейших при исследовании памятников письменности прошлого и их использовании для создания возможно более полной и верной картины культуры минувших веков.

Памятники литературы, как показал, например, опыт работы над сочинением XII в. "Собрание редкостей" Низами Арузи, могут дать значительный материал, в частности и по исторической этнографии и этнопсихологии. Вероятно, стоило бы поставить вопрос об учете и сведении воедино сообщений правоописательного характера, в большей или меньшей степени присутствующих как в произведениях художественной литературы, так и в исторических летописях и географических трудах. В совокупности эти сведения могут нарисовать живую картину нравов эпохи, едва ли не наиболее характерную и необходимую при восстановлении национальной истории народа и его культуры.

Свидетельства памятников литературы, наравне со свидетельствами других произведений искусства, например, миниатюрной живописи, могут быть привлечены с пользой для дела в качестве сравнительного и дополнительного источника к скудным еще данные для средневекового города вещественным данным. В ряде случаев

письменные памятники содержат уникальные свидетельства по истории материальной культуры народа, не имеющие подкрепления в археологических параллелях. Уместно поэтому ставить также вопрос о необходимости сквозного учета, своего рода "инвентаризации" реалий, описание которых содержат средневековые памятники письменности.

Идет своего исследователя и внутренняя жизнь феодальных иранских дворов. В ряде случаев эти дворы выступали важными очагами средневековой культуры, собирая под своим кровом лучших представителей феодальной интеллигенции — поэтов, писателей, служивших секретарями, астрологов, математиков, философов, лексикографов, географов, историографов, врачей. Здесь, при дворах, начиная с X века, с развитием меценатства интеллектуальный труд становится профессиональным, появляется социальная категория феодальных интеллигентов-профессионалов. В трудах этих придворных ученых, наряду с господствующей феодальной идеологией, которой они служили, мы ясно улавливаем элементы противоборствующей ей идеологии, которую не мог не породить жестокий подневольный унижительный быт этих творцов средневековой культуры.

В.Н.Горегляд

В.И.ЛЕНИН О КУЛЬТУРЕ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯПОНСКИХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

1. Проблемы культурно-исторического процесса впервые были затронуты В.И.Лениным в 90-х годах XIX века в полемике с идеологами русского народничества.

Впоследствии они разрабатывались во многих трудах В.И.Ленина, касавшихся националистических тенденций в буржуазных движениях и проблем отношения пролетариата к культурному наследию.

Первостепенное значение имеют методологические и методические принципы, которыми В.И.Ленин руководствовался при исследовании историко-культурных вопросов.

2. Заложенные марксистской теорией основы новой философии культуры были дополнены В.И.Лениным многими принципиальными положениями, к числу которых относится в первую очередь тезис